

ВЛИЯНИЕ РИМСКОГО ПРАВА НА ФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА ДЕЛИКТНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В ЛИТОВСКИХ СТАТУТАХ

С. Д. Гринько

В юридической литературе по советскому и современному гражданскому праву институт деликтных обязательств получил достаточно широкое и полное освещение. Так имеются как комплексные работы, так и работы, освещающие отдельные проблемы. Например остается неразрешенным вопрос о влиянии римского права на формирование института деликтных обязательств в Статутах ВКЛ. При этом современная Европа возобновляет и развивает частно-правовые традиции, основанные на положениях римского права, учитывая современный мировой опыт. «Дух римского права» имеет большое значение и сегодня, так как римское право выделялось своими фундаментальными идеями и подходами, почти безупречной логической системой категорий, определений и норм. Примером этого есть новые гражданские кодексы стран бывших советских республик. Однако идеи римских юристов использовались разработчиками кодификаций не непосредственно, а через немецкое, французское, польское, а также законодательство ВКЛ. Именно поэтому представляет для нас интерес рассмотрение особенностей генезиса и содержания Статутов ВКЛ в сравнительном анализе с источниками Древнего Рима.

Деликтные обязательства возникают, в большинстве случаев, тогда, когда нарушаются имущественные права (блага) потерпевшего. Вследствие такого нарушения уменьшается его имущественная сфера, поскольку лицо лишается права собственности на имущество или умаляется его имущественная сфера. При этом, прекращение вещественных правоотношений влечет возникновение нового права, права потерпевшего требовать возмещения причиненного вреда. Римские юристы к основаниям возникновения обязательств, вследствие причинения вреда имуществу относили два деликта *furtum* и *damnum injuria datum*.

Наследуя их идеям, авторы Статутов различают также два деликта причинения вреда имуществу: *завладение имуществом* и *причинение вреда или ущерба имуществу*. Кроме этого, они выделяют третий деликт — *самовольное пользование чужим имуществом*, тогда как римляне относят его (*furtum usus*) к разновидности *furtum*.

Римские юристы определили *furtum* как «*est contrectatio rei fraudulosa lucri*

Т. VII. Полутом 1, с. 378], то есть как присвоение самой вещи, так и пользование или владение ею ради наживы. Из этого следует, что *furtum* охватывал все случаи противоправного присвоения чужих вещей, был деликтом с широким содержанием. В отношении обязательств из *furtum* действовал принцип полного возмещения вреда. Павел в своей сентенции отмечал, что справедливо, чтобы по иску *ofurtum* несли ответственность в том размере, в каком похитили (Д.47.2.2.21) [2, Т. VII, Полутом 1, с. 393]. При этом, размер возмещения (учетверялась или удваивалась стоимость вещи) зависел от действительной стоимости вещи, а не от интереса истца (Ульпиан) (Д.47.2.50) [3, Т. VII. Полутом 1, с. 415].

Римские юристы допускали возможность требовать возмещения, как реального вреда, так и упущенной выгоды. Ульпиан отмечал, что деликвент обязан возместить наивысшую стоимость вещи и неполученные плоды от вещи (Д.13.1.8.1-2) [4, Т. III, с. 147]. В другой своей сентенции Ульпиан писал, что тот, кто похищает документы или расписки, отвечает за *furtum* в размере стоимости не только самих табличек, но и того, что составляло интерес, относящийся к оценке той суммы, которая в этих документах содержится (Д.47.2.2.27) [5, Т. VII, Полутом 1, с. 399]. То есть римское деликтное право основывалось на принципе: «*Fur semper moram facere videtur*» (Д.13.1.20) [6, Т. III, с. 153] — похититель всегда находится в прострочке.

Обязательства вследствие повреждения чужой вещи возникали с деликта *damnum iniuria datum*. За законом Аквилія возмещался как имущественный вред, так и сплавивался штраф — *poena*. Так, за повреждение вещи, причинен-

ное несколькими лицами, можно было взыскать возмещение с каждого полностью. Например, если несколько лиц упустият колоду, вследствие чего придавят человека, то все они подлежали наказанию по закону Аквилія (Д.9.2.11.3) [7, Т. II, с. 399].

Принцип полного возмещения вреда нашел свое место и в законодательстве ВКЛ, по которому на деликвента возлагалась обязанность возратить законному владельцу его имущество и вознаградить причиненные убытки вдвое (Статут 1529. Р. 4, арт. 92, 100) [3, с. 225, 230, 248, 284]. То есть потерпевший имел право требовать возмещения реального вреда, так и упущенной выгоды. Кроме того, ответственность деликвента, по аналогии с римским правом, также носила штрафной характер, поскольку потерпевший получал возмещение в большем размере сравнительно с причиненным вредом. Однако, если римская штрафная санкция равнялась размеру возмещения, который удваивался или учетверялся, в зависимости от вида явного или нет *furtum*, то литовский штраф только удваивался.

Особенность ответственности за *furtum* в том, что она могла быть как гражданской, так и уголовной. При этом, относительно *furtum*, как правило, предъявляли уголовный иск. Такое право принадлежало собственнику присвоенной вежи (Д. 13.1.1) [8, Т. III, с. 145] за некоторыми исключениями.* Литовские статуты, наряду с частными санкциями, к виновному деликвенту также применяли публичные. Так, за самовольное завладение чужого недвижимого имущества виновный подвергался личному шестинедельному задержанию (Статут 1529. Р. 4, арт. 92) [3, с. 225], а при грабеже или разбое виновные предавались суду по уголовным законам (Статут 1529. Р. 13, арт. 2) [3, с. 296-297].

Римские юристы к обязательным условиям возникновения деликтных обязательств относили наличие имущественного вреда, противоправного действия, причинную связь между причиненным вредом и противоправным действием, вину.

*Например, иск с *condictio furtiva* принадлежал швее (I.3.205; Б.47.2.77) [9], хранителю в случае потери вещи, полученной ими по договору (I.3.207) [10].

«*noxia autem est ipsum delictum*», то есть вред есть самим деликтом [11, Т. II, с. 387]. Павел в своей сентенции отмечал, что «*damnum et damnatio ab* лутом 1, с. 379]. То есть вредом есть отобрание и как бы уменьшение имущества лица. По Статутам право на частное вознаграждение возникает у лица только тогда, когда ему причинено вред или убытки. Соответственно их отсутствие исключало возникновение деликтных обязательств.

Римскими юристами была разработана методика оценки стоимости вещи. Так, по общему правилу вещь оценивалась на момент совершения *furtum*. Если стоимость вещи стала больше, то удвоенная ее оценка совершалась, в зависимости от суммы на какую вещь стала дороже, так как они считали, что тогда ее присвоение имело место (Д.47.2.50) [13, Т. VII. Полутом 1, с. 415]. В отличие от римского законодательства, Статуты определили, в соответствии с существовавшими на тот моменте ценами, различные денежные взыскания за присвоение или повреждение, порчу некоторых вещей, в особенности домашних животных, хлеба, сена, огородных овощей, съедобных припасов, вещей домашнего потребления (Статут 1529. Р. 10, 13) [3, с. 263-267, 296-300]. Однако, статуты не содержали оценку всех вещей, которым мог быть причинен вред.

Противоправность римские юристы понимали как действие, совершенное не по праву, то есть против права (Ульпиан) (Д.9.2.5.1) [14, Т. II, с. 393]. Противоправное действие проявлялось в форме уничтожения, повреждения, порчи неживой вещи, что охватывалось понятием «*ruptum*». В Статутах также прямо содержится указание на причинение вреда незаконным завладением или самовольное пользование чужим имуществом. Нашли отражение в Статутах (Статут 1529. Р. 11, арт. 12, 18) [3, с. 271, 273] позиции римских юристов о запрете любого самоуправства со стороны потерпевшего, так как каждый имел право искать возмещения причиненного вреда в суде или полиции.

На причинную связь указывали римские юристы, определяя субъекта ответственности за вред, причинный *furtum* и *damnum iniuria datum*. В своей сентенции Павел отмечал, что вред следует за личностью (причинившего его)

(Д.47.2.18) [15, Т. VII. Полутом 1, с. 391]. Также законодатель рассматривал вред как результат незаконного поведения его причинителя, что указывает на необходимость установления в каждом случае связи между данными фактами.

Римские юристы субъективным условием возникновения деликтных обязательств, считали вину деликвента. По иску, согласно закона Аквилія, подлежали наказанию умысел и грубая неосторожность (Д.9.2.30.3) [16, Т. II, с. 421]. То есть не требовалось только умыслу (*dolus*), а достаточным было установить наличие неосторожной вины деликвента (*culpa*). Как отмечал Р. Зом, вина деликвента должна быть такой, чтобы ею был причинен вред конкретной вещи истца [4]. Статуты не разграничивали умысел и неосторожность, так как при частном вознаграждении форма вины не влияла на размер возмещения. Как и по закону Аквилія, по законам ВКЛ имел значение только факт вины.

Таким образом, основные положения деликтного права Древнего Рима были практически восприняты при разработке Статутов. Вследствие этого была создана в праве ВКЛ частнопредварительная концепция деликтной ответственности, которая намного пережила своих создателей и положена в основу «Прав, по которым судится малороссийский народ» (1743 г.), Собрания Малороссийских прав (1807 г.), проекта Свода местных законов Западных губерний (1837 г.), Свода законов гражданских Российской империи (1842 г.) и др.

Литература

1. Дигесты Юстиниана / [пер. с латинского Литвинов Д. А. , Рудоквас А. Д. , Щеголев А. В. , Марей А. В. и др.]; отв.ред.Л. Л. Кофанов. — М. : Статут, 2002-2007. — Т. 1 - т
2. Дыдынский Д. Институции Гая, текст и перевод с введением и примечанием / Дыдынский Д. — Варшава, 1892. — С. 358-359.
3. Кодифікація цивільного законодавства на українських землях : Т. 1 / Уклад. Ю. Б. Білоусов, І. Р. Калаур, С. Д. Гринько та ін. / За ред. Р. О. Стефанчука та М. О. Стефанчука. — К. : Правова єдність, 2009. — С. 149-310.

4. *Зомъ Р.* Институции : Учебник истории и системы римскаго гражданского права. Выпуск 2 (Система) / Р. Зомъ ; Пер. с нем. Г. А. Барковскаго. — С.-Петербургъ, 1910. — С. 306.